

Нужно больше любви

В рвотной массе были непереваренные куски мяса и ягод, съеденных за ужином. Резкий кисловатый запах ударил в нос, несколько капель попали Тао Цю на руку и ногу.

Третий птенец потому и старалась отползти подальше, что боялась именно этого. Но всё равно не успела.

— Цю-цю...

— Прости, папа...

Превозмогая недомогание, она слабым голоском извинилась перед Тао Цю и попыталась крылышком стереть с него грязь.

Тао Цю остановил её и, перенеся на чистое место, мягко успокоил:

— Ты же не нарочно. Не нужно извиняться. — Он погладил её и спросил: — Животик болит? Ещё тошнит?

— Цю-цю... Цю-цю-цю...

— Животик плохой... Вкусная еда вся убежала...

Она имела в виду, что из-за боли в животе, из-за того, что он такой «плохой», её и вырвало всем съеденным. «Вкусная еда» — так всегда говорил Тао Цю, когда кормил их, и Третий птенец это хорошо запомнила.

Детские объяснения порой бывают такими странными и в то же время точными.

Едва пропищав это, она снова срыгнула, но на этот раз совсем немного.

Картина была ясна. Вспомнив, как птенец последние дни жадно набрасывался на еду, нетрудно было догадаться о причине рвоты.

Резкое увеличение количества пищи стало для её желудка непосильной ношей. Вялость последних дней была лишь предвестником, а сегодня ночью всё вылилось наружу.

Когда рвота прекратилась, Тао Цю погладил её по крошечной головке, а затем, не колеблясь ни секунды, прокусил себе палец и поднёс кровоточащую ранку к её клюву.

Это был второй раз, когда он давал ей свою кровь, не считая того дня, когда она вылупилась.

Всё это время он больше не прибегал к этому средству. Во-первых, хоть Третий птенец и была слабой, она стабильно росла, развиваясь и физически, и психически в правильном направлении. Его кровь была сродни сильнодействующему эликсиру, и, во-первых, неизвестно, выдержал бы её организм постоянный приём, а во-вторых, Тао Цю не хотел прибегать к такому губительному способу «помогать росткам, вытягивая их».

Вторая причина заключалась в том, что Третий птенец сама не хотела пить его кровь.

Птенцы были малы, но не глупы. Они уже понимали, что раны — это больно, а кровь — это смерть. Пусть они ещё не могли объяснить, что такое смерть и сколько крови нужно потерять, чтобы умереть, но страх и беспокойство им уже были знакомы.

Когда Тао Цю в прошлый раз попытался снова дать ей свою кровь, она замотала головой, как волчок, и, со слезами на глазах, пропищала, что не хочет, чтобы папе было больно.

После этого Тао Цю больше не настаивал.

Но сейчас другого выхода не было. Птенец заболел, а он, дикарь (или дикая птица), не имел под рукой лекарств. Только его кровь обладала целительным эффектом. Что ещё он мог сделать?

Увидев кровоточащий палец, Третий птенец инстинктивно отпрянула.

— Цю-цю... цю...

— Папе больно... Не буду кровь...

— Я знаю, малышка, ты за меня переживаешь, — ласково сказал Тао Цю. — Но ты заболела, и я очень волнуюсь. К тому же, кровь уже идёт, если ты не выпьешь, она просто пропадёт зря. А если хочешь мне помочь, просто поправляйся скорее и будешь больше помогать мне по хозяйству.

Третий птенец поняла, что папа просто пытается её успокоить. Крупные, как горошины, слёзы покатались из её глаз. Всклипывая, она приблизилась к пальцу Тао Цю и послушно открыла клюв.

Дав ей всего пару капель, Тао Цю отнял руку. Его способность к регенерации сработала

мгновенно, и кровь тут же остановилась.

Выпив кровь, Третий птенец замерла на месте. Она молча сидела, подняв головку, и просто смотрела на Тао Цю, роняя слёзы. Казалось, ещё немного, и под ней образуется целое озеро, в котором она, кроха, утонет.

— Иди ко мне, дай папе посмотреть, стало ли тебе лучше, — протянул к ней руку Тао Цю.

— Цю! Цю-цю! — не выдержала Третий птенец и с плачем бросилась ему в ладонь, её писк был полон самобичевания и обиды. — Папа! Прости! У-у-у...

— Ну что ты опять извиняешься, — гладил он пушистый комочек. — Ты же не специально заболела. Заботиться о тебе — моя обязанность, не вини себя так.

В этот момент из гнезда выскочили Старший и Второй птенцы. Они проснулись, как только Тао Цю встал, но, видя, что ситуация серьёзная, боялись помешать и молчали.

Старший птенец потёрся о палец, который кровоточил, а потом обратился к сестре:

— Цю-цю.

— Не плачь, всё хорошо.

Второй птенец тоже запищал:

— Сестрёнка, не грусти, я подарю тебе свой самый красивый камушек.

Второй птенец обожала всё яркое. В их долине можно было найти разноцветные камешки, и она собирала их, как сокровища, храня в своём личном уголке гнезда.

— Цю, цю-цю, цю-цю, — всхлипывая, ответила Третий птенец. — Спасибо, сестрёнка, не надо камушка, я не буду плакать.

Тао Цю вытер ей слёзы, погладил по головкам Старшего и Второго и улыбнулся:

— Вы хорошие брат и сестра. И мои хорошие детки.

Услышав похвалу, Старший птенец сдержанно переступил с лапки на лапку, выражая свою радость, а Второй гордо выпятил грудь, словно на ней было написано: «Я папин хороший малыш».

Когда Третий птенец успокоилась, Тао Цю принялся за уборку. Он отложил грязную траву, чтобы выбросить её завтра, вымыл руки и помог птенцу почистить пёрышки.

Птенцы ещё не могли выходить из пещеры, но вода им была нужна. Тао Цю нарубил бамбука и сделал из его колен ёмкости для воды, создав в пещере приличный запас. Мутировавший бамбук был выше, толще и прочнее обычного, но для Тао Цю это не было проблемой — его клюв, когти и перья были не хуже любого меча.

С появлением птенцов в пещере стало гораздо оживлённее. Раньше здесь было лишь одно гнездо и одна птица — пустота, да и только. Теперь же птиц стало больше, гнёзд тоже, появились разные бытовые приспособления, и пещера постепенно стала походить на дом. Если бы не их способность видеть в темноте, ему, возможно, пришлось бы освоить и добычу огня.

Приведя всё в порядок, Тао Цю снова лёг, обняв троих птенцов.

Третьего птенца уже не тошнило, но она всё ещё была вялой и слабой. Она свернулась комочком у него на груди, а Старший и Второй устроились по бокам, охраняя её.

Тао Цю хотел спросить, почему она так много ела в последние дни, но, видя её состояние, решил отложить разговор на завтра. Однако, немного отдохнув, Третий птенец заговорила сама.

— Цю.

— Папа.

— Да, малышка, я здесь. Что ты хочешь сказать? — тут же отозвался он.

— Цю-цю, цю-цю-цю, — нерешительно и очень тихо пропищала она. — Эти дни я специально ела много-много.

Раз ребёнок сам начал разговор, значит, он готов к решению проблемы. В такой момент родитель должен терпеливо слушать и направлять.

— Можешь рассказать папе, почему? — мягко спросил Тао Цю.

Третий птенец ответила не сразу, видимо, подбирая слова. Тао Цю не торопил её, терпеливо ожидая.

Примерно через минуту она продолжила свой щебет:

— Ягодки хорошие, а я — плохая. Если я съем много ягодок, я стану хорошей, и папе не будет больно.

Тао Цю замер, а потом, осознав смысл её слов, почувствовал, как защипало в глазах.

Поскольку Третий птенец была слабой и самой младшей, остальные трое уделяли ей особое внимание, а Тао Цю и вовсе открыто её баловал. И он, и Старший со Вторым делали это с радостью и без тени недовольства, но Третий птенец, оказывается, чувствовала себя виноватой.

Она была очень чувствительной, и каждая толика доброты от папы, брата и сестры лишь усугубляла её чувство вины.

Она тоже хотела быть здоровой и сильной, как брат и сестра. Даже если не сможет помогать папе, то хотя бы не будет его обузой. Кто знает, как тяжело было на сердце у этой малышки, когда она вспоминала, как папа поил её своей кровью.

Тао Цю говорил им, что выращенные им ягоды полезны для здоровья. Третий птенец это запомнила. Она думала, что если будет есть больше, то быстрее поправится, станет такой же сильной, как брат и сестра, и папе больше не придётся ранить себя ради неё.

Но какой бы умной она ни была, она оставалась всего лишь крошечным птенцом, который ещё даже не умел летать. Она знала лишь, что количество переходит в качество, но откуда ей было знать, что её маленький организм просто не выдержит такого объёма пищи.

В итоге её план не только провалился, но и доставил папе новые хлопоты.

Если бы у неё сейчас были силы, она бы, наверное, вырыла ямку и зарылась в неё с головой.

Прочирив всё это, Третий птенец снова захлюпала, но не успела заплакать, как Тао Цю осторожно поднёс её к своему лицу. Их глаза встретились — и его тоже были полны слёз.

— Малышка... — голос Тао Цю дрогнул. В сердце было столько слов, но он не знал, с чего начать.

Он предполагал многое, но и подумать не мог, что у двухмесячного птенца может быть столько мыслей и переживаний.

Её поступок доказывал, как сильно она любит свою семью, но в то же время Тао Цю было невыносимо больно за неё.

Глубоко вздохнув и взяв себя в руки, он постарался как можно проще объяснить ей:

— Папа знает, что ты хорошая девочка и хочешь поскорее поправиться, чтобы папа не волновался. Это очень похвально. Но в этом деле нельзя торопиться. Смотри, сначала ты могла съесть только половинку мяса и две-три ягодки, а потом стала съедать целый кусок и пять-шесть ягодок. И ты становилась всё здоровее, и тебе не было плохо, как сегодня. Значит, тот способ был правильным, верно?

Третий птенец моргнула, кивнула, явно следуя за его мыслью. Тао Цю продолжил:

— Ты мой ребёнок, сестрёнка своего брата и сестры. Мы — семья. Ты слабее нас, и это нормально, что мы о тебе больше заботимся. И то, что ты чувствуешь себя обязанной нам, тоже нормально. Это потому, что мы все любим друг друга. Мы можем помнить эту любовь и, когда у тебя будут силы, отплатить ею. Но нельзя превращать её в бремя. Так ты делаешь больно и себе, и тем, кто тебя любит.

Боясь, что его слова могут создать у неё другую проблему, заставив думать, что только она одна так переживает, Тао Цю привёл в пример себя:

— Например, я, когда увидел, что ты вылупилась таким крошечным комочком, таким слабым, что казалось, вот-вот умрёшь, я тоже чувствовал себя ужасно виноватым. Я винил себя, что не смог родить тебя здоровой, что не могу вмиг сделать тебя такой же сильной, как твои брат и сестра. Если бы не я, тебе бы не пришлось столько страдать...

Не успел он договорить, как Третий птенец встревоженно запищала:

— Цю-цю! Цю-цю!

— Папа не виноват! И я не виню папу!

Старший и Второй, внимательно слушавшие всё это время, тоже зачирикали.

Второй птенец отчаянно замахал крылышками:

— Цю! Цю-цю!

— Папа, не плачь! Я больше всех люблю папу!

Старший птенец ласково потёрся о Тао Цю и очень серьёзно пропищал:

— Цю! Цю-цю!

— Неправда! Папа — хороший папа!

Они не были согласны с его словами. В их глазах Тао Цю был самым лучшим на свете, и они любили его больше всего. Даже папе не позволялось говорить о папе плохо!

Тао Цю сквозь слёзы рассмеялся. Он прижал их всех к себе и, опустив голову, посмотрел им в глаза.

— Не волнуйтесь, малыши. Я больше так не думаю. Я давно превратил свою вину в любовь к вам. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вы были сыты, в тепле, росли счастливыми и здоровыми.

Готовый ответ был прямо перед ней, а Третий птенец была умной девочкой. Она тут же громко прочирикала:

— Не надо вины, надо больше любви! Для папы, для брата и сестры!

— Вот именно, моя умница. В нашей семье должно быть меньше грусти и больше радости, — Тао Цю радостно чмокнул Третьего птенца, не забыв и про Старшего со Вторым.

Третий птенец от счастья вся распушилась, став ещё более круглой. Второй птенец взволнованно запрыгал на месте, и даже самый сдержанный Старший птенец не смог сдержать учащённого сердцебиения.

Глядя на эти три пушистых комочка, Тао Цю чувствовал, как его сердце тает. Он с трудом сдержался, чтобы не схватить их и не съесть от переизбытка нежности.

Этот внезапный инцидент незаметно сблизил Тао Цю и его детей ещё больше. Его слова были адресованы не только Третьему птенцу и повлияли не только на неё.

За окном всё ещё была непроглядная ночь. До рассвета было далеко.

После всех переживаний Тао Цю и птенцам нужно было время, чтобы успокоиться. Сон не шёл. Тао Цю уложил их рядышком у себя на груди и начал рассказывать сказку на ночь.

Он выбрал «Соловья», потому что главный герой, как и они, был птицей.

Сказка была короткой. Даже с учётом того, что Тао Цю говорил медленно, он быстро дошёл до конца.

— ...и соловей вылетел из дворца, чтобы нести свою прекрасную песню всем, кто в ней нуждался.

Закончив, Тао Цю не стал объяснять птенцам мораль сказки. Сейчас для них это была просто история, чтобы скоротать время.

Реакция на сказку у каждого была своя.

Старший птенец: «Соловей — это какая птица? Такая же, как мы?»

Третий птенец: «А у соловья есть папа?»

Второй птенец: «Соловей умеет петь, и я умею! Цю-цю, цю! Кто поёт лучше, я или соловей?»

Птенцы защебетали, окружив Тао Цю, как три маленьких будильника. Он не знал, смеяться ему или плакать.

Он ответил на все их вопросы, и птенцы послушно слушали. Лишь когда их сморила усталость, они, что-то бормоча, устроились рядом с папой и заснули, их маленькие клювики наконец-то «выключились».

<http://bllate.org/book/15883/1584615>